

Л.А. Афонина

ИДВ РАН

Новые тенденции в государственном регулировании вопросов религии в КНР

Возрождение политического регулирования религиозной сферы приходится на начало 1980-х годов. Отправные точки, взятые за основу этого регулирования, отражены в директивах партии, известные как «Документ 19» с названием «Основные взгляды и основная политика по религиозным вопросам в период социализма в Китае» (31 марта 1982 года).

В Документе содержатся разъяснения относительно причин длительного существования религии на этапе социализма. Среди них – несовершенство производственных сил общества, экономических базиса и надстройки, природные бедствия, продолжающаяся в определённой мере классовая борьба и т.д. В Документе сказано, что мнения об исчезновении корней религии после установления социалистического строя, о религии как сохранении пережитков старого мышления, а также о возможности скорейшего избавления от закостенелого религиозного мышления при помощи пропаганды атеизма и административных методов, нарушили естественные законы развития религии [5]. По мнению руководства партии, религия в конечном итоге придёт к своему неминуемому закату при сложившихся определённых условиях, религиям не останется места в социалистическом обществе, но до времени их неминуемого исчезновения они должны быть управляемы в соответствии с установками государства и партии [6]. Для достижения этой цели на протяжении более тридцати лет китайские руководители формулировали теории существования религии в китайском социалистическом обществе.

На современном этапе китайские руководители были вынуждены признать, что религиозный вопрос не так прост, как изначально

© Афонина Л.А., 2014

предполагалось. Большое внимание как китайской, так и мировой общественности привлекла статья, опубликованная 22 апреля 2013 года в газете *Сюэси шибао*, под названием «Как быть с религиозными вопросами – глава управления по делам религий Ван Цзоань отвечает на вопросы журналистов». Ван Цзоань признаётся: «Мы ранее думали, что после вступления в социалистическое общество с повышением уровня жизни и материальной культуры людей религиозное сознание очень быстро ослабнет. А что сейчас? Через 60 лет после основания КНР и 30 лет периода реформ и открытости материальная жизнь народа обогатилась, повысился уровень образования, а религиозное сознание совсем не ослабло, наоборот, проявилось его возрождение... Количество верующих людей разных религий непрерывно растёт, в религиозной области образовалась сложная ситуация – расширяется влияние религии в жизни общества» [8]. Эта статья является важной, в первую очередь, потому, что власти впервые во всеуслышание признали свои заблуждения в исходных положениях их теорий, на базе которых велась и строилась работа в отношении религиозных общин с начала периода реформ.

Причины роста религиозности в китайском обществе вряд ли стоит искать среди факторов, приведённых в «Документе 19». Многие проблемы, с которыми сталкиваются современные китайские граждане, связаны с неослабной погоней за эффективностью и пренебрежением человеческими проблемами со стороны государственных лидеров, чья профессиональная подготовка ограничена научными и инженерными знаниями. Современные китайские граждане большей частью индифферентны к политической борьбе, идеологии и политическим движениям. Коррупция, преступность, растущее население, безработица, неравенство доходов, падение морали, отсутствие чувства безопасности стали дестабилизирующими факторами для общества. Сегодня большая доля среди верующих китайцев приходится на молодое население, прослойку интеллигенции. Ван Цзоань переосмысливает причины зарождения потребности в религиозных чувствах у китайского населения следующим образом: «Главная причина кроется в произошедшем глубоком изменении общества, в расслоении общества, поляризации интересов, плюрализме ценностных ориентиров, благодаря чему религия получила новое пространство для развития. Несмотря на то, что общий уровень материальной культуры народа повышается, в практической жизни конкуренция всё более усиливается, неопределённость возрастает, бедные и богатые одинаково испытывают отсутствие чувства безопасности и могут становиться религиозными верующими» [8].

Китайское правительство ежегодно публикует свои официальные статистические данные количества приверженцев религии в Китае, которые регулярно порождают критику и несогласие зарубежных и китайских исследователей. Ван Цзоань осознаёт заниженность официальных статистических оценок количества верующих, впервые дав ответ на этот вопрос: «Мы постоянно говорим, что в нашей стране более ста миллионов верующих людей, откуда взята эта цифра? Можно сказать, что это результат соединения статистики и предположений. Потому что какие-то религии хорошо поддаются статистическим подсчётам, а какие-то не очень. В католицизме, протестантизме и исламе есть строгий обряд вхождения в религию, поэтому вести подсчёт несколько легче. Сейчас в стране 5,5 млн. католиков, 23 млн. протестантов, 21 млн. мусульман, что составляет в совокупности около 50 млн. человек. Буддизм и даосизм являются традиционными религиями Китая, официально обращённые могут быть учтены, но исповедующие по домам, из-за отсутствия единого критерия не поддаются подсчётам, можно лишь строить предположения [о их численности]. Так и получается вывод о более чем ста миллионах верующих. Я считаю, что фактическое число верующих людей в Китае больше этой цифры» [8]. Безусловно, официальные данные не включают верующих, не относящихся к пяти институционально оформленным религиям, а также верующих, не признающих созданные государством религиозные структуры.

Реалии современного китайского общества рожают новые подходы китайского руководства в их отношении. Ван Цзоань призывает рассматривать религию с научной точки зрения, разрабатывать правильную политику для решения религиозных вопросов, посредством эффективного управления и руководства стимулировать нормальную религиозную деятельность, приводить религию и социалистическое общество к взаимному соответствию. «Мы осуществляем дело революции, строительства и реформ, необходимо объединять массы и опираться на массы, без поддержки масс не добиться никакого результата. В разговорах о массах мы включаем как массы религиозных верующих, так и массы нерелигиозных граждан» [8].

Эти слова коррелируются с проводимой политикой в отношении религий, базирующейся на теории взаимного соответствия религий и социалистического общества, которая была выдвинута ещё при Цзян Цзэмине. Принцип взаимного соответствия религии и социалистического общества, исходя из речи Цзян Цзэмина на Всекитайском совещании по религиозной работе 1993 года, нужно понимать следующим образом. Последователи религий должны быть патриотами своей Родины, поддерживать социалистический строй, руководство партии,

соблюдать законодательство. Осуществляемая ими религиозная деятельность должна отвечать интересам государства и народного сплочения, толкования религиозных учений должны способствовать общественному прогрессу, противодействовать всем попыткам использования религии в целях подрыва социалистического строя и народных интересов, вносить вклад в социалистическое развитие, национальное сплочение, государственное единство. При соблюдении всех вышеперечисленных условий государство может гарантировать свободу вероисповедания, а социалистическое общество и религия могут прийти к взаимному соответствию [9]. На основе этой теории возникли теория законодательного регулирования религиозной сферы, теория гармонии с религиями и дальнейшие измышления китайских политических теоретиков в отношении регулирования религиозной сферы.

Тем не менее, идея «освобождения верующих» не ушла из риторики политического руководства. Ван Цзоань, анализируя ошибочные суждения прошлых лет, делает вывод: «Религия – длительное явление, если мы будем излишне торопиться, захотим моментально „освободить“ верующие массы от влияния религии, результат может быть обратный ожидаемому, он оттолкнёт религиозные массы на позиции противостояния» [8].

В течение периода реформ постепенно происходит отход от восприятия религии как политического противника режима: «Фактически вера индивида не определяет его политического подхода и общественных позиций. Несмотря на наличие различий между верующими и неверующими в их религиозных взглядах, их базовые политические и экономические интересы совпадают, они одинаково поддерживают руководство партии и социалистический строй, являются положительной силой строительства социализма с китайской спецификой» [8]. Это конечно касается институционально подчиняющихся партии религий и их последователей.

В начале 2013 г. в Китае издательством при Китайском народном университете был опубликован четырёхтомник известного китайского политического деятеля Ли Жуйхуаня «Взгляды и суждения». Книга вобрала в себя взгляды и точки зрения автора на разные проблемы, связанные с экономикой, культурой, жизнью общества. В числе прочего в книге собраны высказывания Ли Жуйхуаня по религиозным и национальным вопросам.

Ли Жуйхуань ещё в середине 90-х пришёл к выводу о несостоятельности теории обоснования религиозной потребности человека, взятой за основу религиозной политики китайского государства: «Ранее религиозную веру мы сводили к экономической отсталости,

неразвитости науки и культуры, но фактически сегодня во многих развитых странах религиозная вера является распространённым социальным явлением» [7, с. 473].

Ли Жуйхуань также обратил внимание на стремительное возрастание роли религии в китайском обществе: «Сравнительно сильно увеличивается число людей, исповедующих религии. В прошлом году я посетил одно место на юге страны и обнаружил там, что на религии имеется неплохой спрос, не только простой народ религиозен, но и члены партии становятся членами религиозных общин» [7, с. 472].

Увеличение числа верующих среди членов коммунистической партии и даже представителей аппарата чиновников подтверждается также заявлением заместителя заведующего Отделом единого фронта ЦК КПК Чжу Вэйцзюня о том, что необходимо исключить из партии коммунистов, имеющих религиозные убеждения. По его словам, если позволить коммунистам исповедовать религию, идеологическое единение 80-миллионной политической организации будет нарушено. Заявление Чжу Вэйцзюня стало ответом на требования определённого числа членов КПК снять запрет на исповедование религии для членов партии, который, по их мнению, противоречит Конституции КНР [2].

Атеизм по-прежнему продолжает иметь привилегированное положение по сравнению с любыми религиями в КНР. По правилам, если выявляется, что член партии имеет какую-либо религиозную принадлежность, то он исключается из партии. Несмотря на то, что Конституция страны гарантирует гражданам право свободного вероисповедания, это право не распространяется на внутренние партийные порядки. Устав партии в религиозных вопросах стоит выше Конституции. При этом зачастую на религиозную веру членов партии и даже чиновников в современном Китае закрывают глаза до момента возникновения конфликтных ситуаций. Известно, что некоторые представители партийной элиты национальности хань имеют определённую религиозную принадлежность. До того момента, пока они не демонстрируют публично своих религиозных убеждений, как например публичное отречение от атеистических взглядов, или же публичное прохождение обряда принятия того или иного вероисповедания, эта ситуация внимания привлекать не будет.

Существуют также свидетельства об отказе в удовлетворении прошения о выходе из партии её членов в связи с религиозными убеждениями, поскольку это может серьёзно повлиять на престиж и численность членов партии. Вследствие этого, члены партии могут продолжать оставаться в списках, выполнять партийные задания, при этом полупублично участвовать в религиозной жизни. Таких случаев в современном Китае изрядное множество, когда старейшина местного

протестантского сообщества одновременно является секретарём партийного отделения. Что касается буддистских или даосских групп, то в них не предполагается строгой принадлежности к религиозной группе, поэтому такая двойственная ситуация возникает ещё чаще [4, с. 3]. Мусульмане же в Китае ассоциируются с конкретными национальными меньшинствами, и для принадлежащих к ним партийцев нет строгого запрета со стороны партии на участие в религиозных мероприятиях [6].

Последнее время в разных источниках публикуются свидетельства о религиозности или проявлении интереса к религиям со стороны государственных и партийных деятелей Китая. Ниже приведём самые примечательные из них.

Цзян Цзэминь ещё во время пребывания на должностях генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР много раз посещал святые места буддизма. 4 февраля 1991 года Цзян посещал буддистский храм Баймасы в провинции Хэнань. В 1993 году он посетил храм Фамэньсы в провинции Шэньси и монастырь Та'арсы в провинции Цинхай. 5 ноября 2001 года Цзян побывал в храме Байлинь, во время этого посещения им были произнесены следующие слова: «Будучи атеистом, нужно иметь определённое представление о религии. Я раз в год посещаю одно религиозное место». Самое примечательное, что 5 июня 2004 года, после годовщины событий на Тяньаньмэнь, будучи председателем Центрального военного совета, Цзян внезапно поехал в Цзюхуашань – одну из четырёх священных гор китайского буддизма, расположенную в провинции Аньхой поклониться Будде Дицзанван. Там для него зажгли три благовонных свечи, Цзян самостоятельно поместил их в курильницу и молча молился перед курильницей. По свидетельству одного буддистского наставника Цзян Цзэминь при входе в монастырь кланялся со сложением ладоней, произносил одну из употребительных буддистских молитвенных мантр «Амитофо». В беседах с монахами он проявлял большой интерес к религии. Рассказывал, что в детстве у него случилось желудочное кровотечение, он стал практиковать отрешённое сидение, после чего через три месяца выздоровел. Он также рассказывал, что часто читает Алмазную сутру [11].

У Банго – некогда вторая фигура в КПК – после выхода в отставку в 2013 году через месяц с членами семьи отправился по даосским святыням. По свидетельствам китайского интернет-сайта «Голос даосизма», У Банго с членами семьи в сопровождении председателя ПК СНП Пекина Ду Дэиня, заместителей председателя Всекитайской даосской ассоциации Чжан Цзюя и Хуан Синьяна посетил крупнейшее даосское святилище Пекина Байюньгуань (Храм Белых

Облаков). Во время своего пребывания в храме У Банго интересовался основами ритуала. Сопровождали У Банго около десяти человек, среди которых была его внучка. У Банго по традиции кидал монеты, молясь об умножении богатства. Посещение У Банго даосской святыни вызвало бурные обсуждения в Интернете [10].

В день церемонии открытия Олимпиады в Пекине 8 августа 2008 года Ли Жуйхуань встречался с Ши Синъюнем – одним из известнейших современных наставников чань-буддизма. Они обсуждали вопросы религиозной свободы в Китае. В вышеупомянутой книге Ли Жуйхуаня приведена часть их диалога, где открыто сказано об исповедании веры членами его семьи: «Я сам не придерживаюсь никаких религиозных учений, но некоторые члены моей семьи верят, например, моя мама и невестка верят в Будду... но мы мирно сосуществуем. Вера есть свобода человека, основывающаяся на удобстве каждого и взаимном уважении» [7, с. 494].

В настоящий момент в религиозной сфере наблюдается акцент на расширение международных контактов, создание благоприятных отношений с религиозными кругами зарубежных стран для развития на их почве отношений в других сферах. В условиях сложной международной обстановки новое руководство КНР во главе с Си Цзиньпином посредством развития религиозных связей пытается налаживать отношения с соседними странами, а также, в первую очередь, с Гонконгом и Тайванем. В течение 2013 года было проведён целый ряд встреч главы государства и руководителей ГУДР с видными религиозными деятелями.

Особенно примечательным и обсуждаемым в мире стал беспрецедентный визит в КНР Предстоятеля Русской Православной Церкви Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Сообщения о его встрече с главой китайского государства и другими представителями власти передавались по китайским центральным каналам телевидения в новостных выпусках. Ещё несколькими годами ранее китайские СМИ не передавали событий религиозной жизни, а визит главы церкви зарубежного государства институционально не оформленной в Китае религии сложно было представить.

Новый партийный лидер начинает свою карьеру в том числе и со встречи с религиозными лидерами, что было бы невозможно в прежние времена. И это нечто новое в ситуации с религией в КНР. Есть надежда, что подобные встречи перерастут в традицию.

Председатель КНР Си Цзиньпин считает, что Китай теряет свои моральные ориентиры, и выражает надежду, что КПК будет проявлять большую терпимость в отношении китайских традиционных верований, способных помочь заполнить вакуум, созданный стремительным

экономическим ростом страны и погоней за материальным благополучием [1]. Скептики связывают такие пожелания со стремлением смягчить социальную напряжённость и сохранить власть партии. Но всё же в этом намерении хочется видеть осознание важности религиозного фактора в нравственном развитии общества. Эти надежды подогревает свидетельство заместителя председателя правления китайский неправительственной организации – фонда обмена и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе Сяо Унана о том, что Си Цзиньпин и члены его семьи сочувствуют буддистскому учению [1].

Положительные тенденции мы можем наблюдать и в реальной жизни. Синьюнь – один из крупнейших современных наставников чань-буддизма, ему был запрещён въезд в Китай в начале 1990-х гг. за предоставление укрытия в монастыре в США для Сю Цзятуна, главы информационного агентства «Синьхуа» в Гонконге, после события на Тяньаньмэнь в 1989 году [3]. В 2000 году Синьюню было позволено вернуться в Китай. Вероятно, Цзян Цзэминь связал этот жест дружеской протянутой руки известному религиозному лидеру с возможностью вызова симпатий у населения Тайваня для последующего сближения. Сейчас же Синьюнь является одним из самых продаваемых авторов в Китае.

На современном этапе концепция ведения работы в религиозной сфере корректируется исходя из реальной ситуации. Одной из первоочередных задач, стоящих перед китайским руководством, является сплочение народа и объединение страны. Для этих целей учитывается также и религиозный фактор. Правительство осознаёт важность недопущения разделения общества по религиозному признаку, призывает не подчёркивать религиозных различий между гражданами страны, но напротив направлять массы как верующих, так и не верующих граждан по пути совместного построения «китайской мечты».

В целом религиозная политика КНР в ближайшей перспективе не будет претерпевать принципиальных изменений в связи со сменой руководства Коммунистической партии и политического руководства страны. Однако уже сейчас, исходя из высказываний некоторых государственных деятелей Китая и прошедших за последний год событий, можно сделать вывод о наметившейся положительной тенденции к трансформации взглядов политического руководства страны в отношении религиозного вопроса. Надо отметить, что ослабление контроля данной сферы проходит постепенно и с учётом местной специфики. Ослабление контроля способно привести к массовому проникновению в Китай тоталитарных сект и политизированных религиозных учений.

Литература

1. *Benjamin Kang Lim, Ben Blanchard*. Xi Jinping hopes traditional faiths can fill moral void in China. Beijing: Reuters Beijing, 2013-09-29 (электронное издание). URL: <http://www.reuters.com/article/2013/09/29/us-china-politics-vacuum-idUSBRE98S0GS20130929> (10.11.2013)
2. CPC members shall not believe in religion // Xinhua, 2011-12-19 (электронное издание). URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90785/7681240.html> (10.11.2013)
3. *Fu Chi-ying*. Handing Down the Light: The Biography of Venerable Master Hsing Yun. Los Angeles: Buddha's Light Publishing, 2004.
4. *Chan Kim-Kwong, Carlson Eric R*. Religious Freedom in China: Policy, Administration and Regulation. A research handbook. Santa Barbara: Institute for the Study of American Religion, 2005.
5. *Гун Сюэцзэн*. Ши цзю хао вэньцзянь ши чжунгохуа макэсычжуи цзунцзяогуань дэ чжунъяо вэньсянь (Документ 19 – важный исторический документ взглядов на религию китайского марксизма). Пекин: Чжунго миньцзубао, 2012-03-27 (Электронное издание) URL: <http://www.mzb.com.cn/html/report/289472-1.htm> (10.11.2013)
6. [Документ 19:] Гуаньюй вого шэхуэйчжуи шици цзунцзяо вэньти дэ цзибэнь гуаньдянь хэ цзибэнь чжэнцэ (Основные взгляды и основная политика по религиозным вопросам в период социализма в Китае), 1982. (Электронное издание) <http://www.sara.gov.cn/gb/zcfg/zc/75352506-2bd0-11da-8858-93180af1bb1a.html> (10.11.2013)
7. *Ли Жуйхуань*. Каньфа юй шофа (Взгляды и суждения). Пекин: Чжунго Жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2013.
8. *Ли Юймэй, Чэн Гоюй, Ли Хун*. Цзунцзяо вэньти цзэньмэ кань цзэньмэ бань – гоцзя цзунцзяо шиуцзю цзючжан Ван Цзоань да цзичжэ вэнь (Как быть с религиозными вопросами – глава управления по делам религий Ван Цзоань отвечает на вопросы журналистов). Пекин: Сюэси шибао, 2013-04-22 (Электронное издание). URL: http://www.studytimes.com.cn:9999/epaper/xxsb/html/2013/04/22/01/01_47.htm (10.11.2013)
9. *Ню Сун, Сы Юнчэн*. Цзици иньдао цзунцзяо юй шэхуэйчжуи шэхуэй сянь шиин (Приведение к взаимному соответствию религии и социалистического общества). Пекин: Цяньсянь, 2002, № 9 (электронное издание). URL: <http://www.bjcx.org.cn/qxweb/n461c201.aspx> (10.11.2013)
10. У Банго юй цзяжэнь каньфан Бэйцзин Байюньгуань чанши «да цяньянь» (У Банго с членами семьи посетили храм Белых облаков в Пекине, попробовали «бросать монеты»). Пекин: Даоцзяо чжиинь, 2013-04-03 (электронное издание). URL: http://news.ifeng.com/mainland/detail_2013_04/04/23867325_0.shtml (10.11.2013)
11. Цзян Цзэминь чжунцин фоцзяо, люсы цзинянь ижи цзинь сы шан сянь (Цзян Цзэминь полюбил буддизм, на следующий день после годовщины событий 4 июля приехал в монастырь возжечь ладан). Гонконг: Пинго Жибао, 2013-04-04 (Электронное издание). URL: <http://www.boxun.com/forum/201304/boxun2012/240533.shtml> (10.11.2013)

Liubov A. Afonina

**New tendencies in religious matters perception
by Chinese state officials**

The article describes modern tendencies in perception of religious matters by Chinese state officials. The changes in top brass of the Communist party and political leaders in the PRC are not going to affect the state overall religion policy in the near term. However, based on the more recent statements by the state officials and events of the past year, one can observe signs of positive change of attitude of political leadership towards religious issues. Chinese authorities understand the importance of maintaining a cohesive society, and realize the potentially destabilizing factor any religious differences within the society may cause. The current state course in religious affairs is expected to exert positive influence on foreign relations, legal status and controls over various religious factions.